

А.В. Малинов

**«БИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗМОВ»:
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
П.Г. ВИНОГРАДОВА
(К 150-летию со дня рождения)***

В статье представлена биография русского историка Павла Виноградова (1854–1925), рассмотрена его социально-историческая концепция и концепция социологии права. Виноградов основывается на позитивистской философии и использует понятие «эволюции» для объяснения социальных процессов, прежде всего истории и права.

Становление науки об обществе в России приходится на последнюю треть XIX в. Первоначально интерес к социологии проявили, как известно, историки и правоведы, разрабатывавшие проблемы исторической науки на основе набиравшей популярность позитивной философии. Одним из таких ученых был Павел Гаврилович Виноградов.

Виноградов родился 18 октября по старому стилю 1854 г. в Костроме. Его отец, Гавриил Куприянович, получив образование в Главном педагогическом институте в Петербурге, преподавал историю в Костромской гимназии, стал затем ее инспектором и директором. Мать, Елена Павловна, была дочерью генерала П.Д. Кобелева, участника войны 1812 г. В 1855 г. семья переехала в Москву, где отец получил место директора мужской гимназии, а позже начальника гимназий ведомства императрицы Марии. Им были открыты и устроены все пять гимназий этого ведомства. До двенадцати лет Виноградов воспитывался дома, с особым интересом занимался литературой, философией, всеобщей историей, иностранными языками; всего Виноградов владел двенадцатью языками. Окончив в 1871 г. с золотой медалью 4-ю Московскую гимназию, он поступил в Московский университет, где его учителями были С.М. Соловьев, Ф.И. Буслаев и В.И. Герье. В гимназические годы Виноградов увлекся изучением западноевропейской философии. Как отмечал ученый в автобиографической записке: «Он рано стал интересоваться западной литературой и философией — и еще в старших классах гимназии читал классиков философии в издании Кирхмана» (Венгеров 1897–

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 04-03-00334а.

1904: 68). В университете занятия историей Виноградов дополнял изучением правовых и экономических отношений, постепенно переходя к исследованию социально-исторических явлений. Большое значение, по его собственному признанию, для формирования его научных взглядов имели работы Л. фон Ранке и А. де Токвиля: «Особенно ценным было для него чтение произведений Ранке и Токвиля. На него произвело сильное впечатление в сочинениях этих историков соединение научной объективности с умением приводить исторические явления в стройную, внутренне обусловленную связь» (Материалы для биографического словаря 1917: 293).

По завершении учебы Виноградов по инициативе В.И. Герье, предпочитавшего его Н.И. Карееву, был оставлен при университете. Для продолжения образования в 1875–1876 гг. он был командирован в Германию, где в Берлине занимался у Моммзена, историей германского права у Бруннера, а в Бонне греческой историей у А. Шеффера. Семинарий Моммзена Виноградов впоследствии называл «главным научным вдохновением своей жизни». В 1876 г. молодой ученый начал чтение лекций на Высших женских курсах в Москве, а в 1877 г. — по истории средних веков в Московском университете. В том же году в его переводе вышла «История цивилизации во Франции» Гизо, и Виноградов выступил оппонентом на защите магистерской диссертации Н.И. Кареева, хотя сам к тому времени еще не сдал магистерские экзамены. Выдержав в следующем году магистерские экзамены, Виноградов отправился в Италию для сбора в итальянских архивах и библиотеках материалов для магистерской диссертации о происхождении феодальных отношений в Лангобардской Италии. Как отмечал В. Бузескул, «для своего времени исследование П.Г. Виноградова о происхождении феодальных отношений в Лангобардской Италии явилось выдающимся трудом» (Бузескул 1924: 174). Успешно защитив диссертацию в 1881 г., Виноградов в должности доцента начал преподавать в Московском университете. После упразднения звания доцента в 1884 г. по новому университетскому уставу Виноградов стал экстраординарным, а в 1887 г. и ординарным профессором. В 1883–1884 гг. для подготовки докторской диссертации он провел полтора года в Англии. Диссертация Виноградова «Исследования по социальной истории Англии» была опубликована в 1887 г., а в 1892 г. с изменениями и дополнениями вышла в английском переводе под названием «Willainage in England. Essays in English Mediaeval History». Как и в магистерской диссертации, Виноградов сосредоточился здесь на исследовании социально-экономических и правовых аспектов происхождения феодализма. «Willainage in England, — писал много лет спустя Д.М. Петрушевский, — это поистине классическое произведение европейской историографии и по своим результатам, и, может быть, еще более по своим исключительным методологическим достоинствам» (Петрушевский 1930: 27). В 1891 г. для продолжения занятий по английской социальной истории Виноградов совершил поездку во Францию и Англию. И тогда же по приглашению Оксфордского университета прочитал так называемый Ильчестерский курс из шести лекций «Славянофильство и его влияние на русскую культуру». «Цель В., писал ученый о своих лекциях, — заключалась в том, чтобы показать своим английским слушателям, что славянофильство — плод романтическо-

го понимания истории и результат реакции против рационализма и революции» (Материалы для биографического словаря 1917: 296). По возвращении в Москву Виноградов выступил с публичной лекцией на ту же тему, опубликовав ее в 1892 г. в «Вопросах философии и психологии». Для изучения древнескандинавского права в 1895 г. Виноградов посетил Норвегию.

Одновременно с научной Виноградов все больше времени стал уделять общественной деятельности. Так, в 1897 г. он был избран гласным Московской думы, а с 1898 г. председательствовал в Училищной комиссии, уделяя основное внимание реформе среднего образования. С той же целью он входил в состав комиссии министров народного просвещения Боголепова и Ванновского. Подготовленный Виноградовым для гимназии учебник всеобщей истории выдержал двенадцать изданий. Виноградов выступил также инициатором создания при Московском университете Педагогического общества и был его председателем. В 1892 г. он стал членом-корреспондентом Академии наук в Санкт-Петербурге, а в 1914 г. был избран сверхштатным академиком.

В 1901 г. из-за конфликта с министром народного просвещения генералом Ванновским и попечителем учебного округа Виноградов подал в отставку из Московского университета и перебрался в Англию. В 1902 г. он был произведен в почетные доктора Оксфордского университета, а в следующем году возглавил кафедру сравнительного правоведения. Еще дважды, в 1908 и 1910 гг., Виноградов в качестве сверхштатного (приглашенного) профессора читал лекции по историческому правоведению и социальной истории средневековой Англии и вел семинары по Кодексу Феодосия и рецепции римского права на Западе в Московском университете. В эти же годы к Виноградову пришла и заслуженная мировая известность. По приглашению многих университетов он читал лекции не только в Великобритании, например, в Лондоне в 1909 г., или английских колониях, в частности, в Калькутте в 1914 г., но и в различных университетах США, Норвегии, Швеции, Голландии, Бельгии, Франции. Виноградов был избран почетным доктором Оксфордского, Кембриджского, Ливерпульского, Дергамского университетов в Англии, Гарвардского университета в Америке, Калькуттского университета в Индии, Берлинского университета в Германии. Британская академия наук приняла Виноградова в свои действительные члены, а Берлинская академия в члены-корреспонденты. После Октябрьской революции Виноградов принял британское подданство и присоединился к антибольшевистской деятельности Русского комитета освобождения. Во время торжественного приема в почетные доктора Сорбонны Виноградов простудился и через три недели, в ночь на 20 декабря 1925 г. скончался в Париже. Похоронен Виноградов в Оксфорде. «Он успел совершить свое дело и умер в апогее славы, среди триумфа», — констатировал В. Бузескул (Бузескул 1924: 187). Таковы жизненный путь и внешняя сторона научной биографии Виноградова.

Научная биография Виноградова, как видно, распадается на два периода: московский и оксфордский. Виноградов как бы предвосхищает судьбу многих русских ученых и мыслителей, вынужденно оказавшихся в XX в. в эмиграции. В зависимости от периодов различается и сфера научных интересов Виноградова: в Московском университете он занимал кафедру всеоб-

щей истории, в Оксфорде — сравнительного правоведения. Однако преемственность в его исследованиях в московский и оксфордский период, несомненно, была. «Как и многие другие, и я начал с изучения политического строя, но затем незаметно был приведен к исследованиям по правовой и социальной истории», — признавался он английским слушателям 1 марта 1901 г. во вступительной лекции в Оксфордском университете (Виноградов 1904: 159). Характеристики, даваемые Виноградовым своему предшественнику по кафедре сравнительного правоведения Г. Мэну, могут быть отнесены и к нему самому. «Предметом его исторических исследований, — писал ученый, — было не столько решение детальных вопросов, сколько проложение дороги для общего обзора правовой эволюции» (Виноградов 1904: 169). Специальные исследования Виноградова по средневековой истории, прежде всего его фундаментальные работы по генезису феодализма, строились не только на изучении фактического материала, но и предполагали восстановление более широкого контекста правовых, экономических и социальных отношений, в которые исторические факты были включены, а также непосредственно ставили ученого перед вопросом об общих закономерностях и развитии этих отношений. Так, исследования Виноградова неизбежно выводили его на новый теоретический уровень, побуждая осмысливать проблемы происхождения общества, его эволюции и смерти, норм и правил общественного устройства, взаимосвязей общества с личностью и внешней средой. С другой стороны, логика научных исследований и философские предпочтения эпохи заставляли смотреть на историю как на область строго научной деятельности и стимулировали разработку методологической стороны историографии. Вопросам методологии исторического исследования был, в частности, посвящен специальный семинар Виноградова, пользовавшийся огромным успехом и в Москве, и в Оксфорде.

Об этом семинаре сохранилось много воспоминаний и высоких оценок учеников и коллег ученого. Как отмечал сам Виноградов, «семинарии носили преимущественно методологический характер: В. старался преподавать своим ученикам умение самостоятельно обращаться с источниками и применять к ним приемы научной критики» (Материалы для биографического словаря 1917: 296). По свидетельству В. Бузескула, «в деле изучения истории в России для развития метода исторического исследования большое значение имела деятельность П.Г. Виноградова как руководителя практических занятий в семинарии в Московском университете и у себя на дому. Успех этих занятий был огромный. В них принимали участие не только студенты, но и уже окончившие университетский курс молодые ученые разных факультетов, его ученики и младшие товарищи по специальности, так или иначе интересовавшиеся историей» (Бузескул 1924: 181–182). Один из первых участников этих семинаров, П.Н. Милюков, хотя и замечавший много позднее, что «П.Г. Виноградов, может быть, не удовлетворял нас, как теоретик» (Милюков 1990: 114), тем не менее, высоко ценил сами семинары, принимавшие характер совместной работы. Именно методологический подход Виноградова во многом определил выбор П.Н. Милюковым темы своей магистерской диссертации: «Тема под-сказывалась новыми взглядами на задачи исторической науки, усвоенными

нами под влиянием П.Г. Виноградова» (Милюков 1990: 150). Направление исторических исследований, развиваемое Виноградовым, отчасти оказало влияние и на выработку концепции самого популярного произведения П.Н. Милюкова — «Очерков по истории русской культуры» (Милюков 1990: 177). Ученик В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова, впоследствии сам профессор Московского университета Ю.В. Готье вспоминал, что лекции и семинары Виноградова — «лучшее с методологической стороны, что я вынес из университета» (Готье 1982: 19). При этом Ю.В. Готье отмечал, что «по методологическим приемам семинарий П.Н. (Милюкова — А.М.) был совершенно в виноградовском стиле» (Готье 1982: 22). Оказавшись за границей, ученый, «перенесся в далекий Оксфорд свой московский “Виноградовский” семинарий, игравший такую крупную роль в развитии русской исторической науки, и превратив его в международный рассадник строго научных приемов исторического изучения» (Петрушевский 1930: 1), продолжил свои методологические изыскания. «Вообще в Оксфорде П.Г. Виноградов, — писал В. Бузескул, — организовал семинарий еще в большем масштабе, чем это было в Москве. Участвовали не только английские студенты: сюда стекались из разных стран, главным образом уже окончившие курс, представители разных университетов и колледжей, из Америки, Австралии, Германии, Италии, Норвегии, Польши, России. Своего рода интернациональное ученое общество образовалось вокруг Виноградова, и он сам являлся как бы интернациональным ученым» (Бузескул 1924: 186). К сожалению, Виноградов не изложил свои теоретико-методологические взгляды в отдельном труде. Их приходится реконструировать на основе отдельных статей, чаще всего историографического характера, а также извлекать из предисловий и введений к его книгам.

И методологическая сторона исторических разысканий Виноградова, и сосредоточенность на проблемах социальной истории постепенно выработали у ученого обобщенный взгляд на исторический процесс и эволюцию общества, что, в частности, сказалось в разработке им теории прогресса. Именно касаясь вопроса о прогрессе и социальной эволюции, исследования Виноградова приобретали социологическую окраску. Хотя, надо сказать, отношение Виноградова к социологии не было однозначно положительным. Сам Виноградов с недоверием относился к умозрительным построениям новой в то время науки. «К теоретической социологии он, — аттестовал Виноградов свое отношение к позитивной науке об обществе, — относился скептически ввиду малой обоснованности и схоластической отвлеченности ее положений. В историческом процессе его главным образом интересовала социально-экономическая и правовая сторона. Задачей истории он считал объективную реконструкцию исторических фактов в их органической причинной связи» (Материалы для биографического словаря 1917: 293). Виноградов, вероятно, неоднократно прямо выражал свое отношение к еще не утвердившейся в своем научном статусе социологии. Некоторые исследователи, отталкиваясь от этих высказываний историка, противопоставляли подход Виноградова социологическим поискам эпохи. В шестом томе венгерского словаря Н.И. Кареев в статье о Виноградове писал по этому поводу: «Вообще, по-видимому, он рано начал относиться с некоторым не-

доверием и даже известного рода предубеждением к общим теориям историко-философского и социологического характера» (Венгеров 1897–1904: 75). И далее, касаясь общеисторических взглядов ученого, Н.И. Кареев отмечал, что «вполне ясно и определенно он нигде не изложил своих историологических воззрений» (Венгеров 1897–1904: 76). Впрочем, такая оценка не помешала Н.И. Карееву в «Основах русской социологии» причислить Виноградова вместе с В.О. Ключевским к «историкам-социологам» (Кареев 1996: 64). В курсе по русской историографии направление Виноградова Н.Л. Рубинштейн классифицировал как «школу социальных исследований» (Рубинштейн 1941: 497, 578). К сторонникам органической теории в социологии относил Виноградова А.Л. Шапиро (Шапиро 1993: 495), непосредственно сближавший его в этом отношении с Г. Спенсером. Однако, по мнению А.Л. Шапиро, органическая точка зрения не была в полной мере применена Виноградовым в конкретных исторических исследованиях. «Перенесенная на социальную жизнь, биологическая эволюционная точка зрения совмещалась у Виноградова с идеей всемирно-исторического развития и совершенствования культуры, и перенесенная из биологии мысль о рождении, росте и умирании обществ — с идеей бессмертия культуры, умственного и нравственного прогресса», — подводил итог социологическому подходу Виноградова историкограф (Шапиро 1993: 497).

Гораздо более определенно о социологической составляющей исследований Виноградова высказывался Д.М. Петрушевский. Он усматривал социологизм исторических изысканий Виноградова как в самой постановке проблем, так и в способах их разрешения. Объяснение исторических явлений на основе целой совокупности отношений, прежде всего, социальных, экономических и правовых, согласовывающееся в целом с позитивистской идеей многофакторности исторического процесса, вписывало конкретные факты в единую и универсальную систему социальной эволюции. Включение фактов в эволюционный поток трансформации социальных форм по существу выступало их объяснением, или, если можно так выразиться, смысловым образом их оправдывало. «Такая постановка исторического изучения, — писал Д.М. Петрушевский, — направляющая его на исследование соотношений между явлениями, составляющими содержание исторического процесса, есть уже постановка социологическая в самом подлинном значении этого слова, и она, несомненно, присуща всем историческим работам Виноградова. Но не только в этом проявляются социологические тенденции исследовательской работы Виноградова. И самые темы его работ по существу социологические» (Петрушевский 1930: 23). Далее Д.М. Петрушевский уже в основном навязывал Виноградову собственное понимание задач и методов исторической социологии. Виноградов, согласно его трактовке, «оставался социологом, ставившим себе целью выяснение типического и в этой более узкой сфере индивидуального и конкретного» (Петрушевский 1930: 23). «Но Виноградов, — развивал Д.М. Петрушевский свои неокантианские соображения, — не столько социологически мыслил и ставил себе по существу социологические задачи, устремляя свое внимание на типическое и давая идеально-типические построения с помощью чрезвычайно строгих приемов

исследования огромного и разнообразного материала, непосредственно к индивидуальным явлениям относящегося, и таким образом являлся блестящим представителем эмпирической социологии (термин введен Максом Вебером). Ему далеко не чужды были и чаяния теоретической социологии, мечтающей о законах общественного развития...» (Петрушевский 1930: 24).

То, что Виноградов не был чужд теоретической социологии, иллюстрируют его рассуждения о социологической эволюции и прогрессе, хотя сам ученый больше склонялся к социально-историческим исследованиям. Признавая необходимость создания новой науки об обществе — социологии, — он непосредственно соотносил ее с нуждами истории. Социология давала возможность обобщения, т. е. осмысления исторических фактов, обосновывая тем самым научный статус историографии. «С каждым годом, можно сказать — с каждым днем, — отмечал Виноградов в своей первой лекции «О прогрессе» 4 февраля 1898 г., — среди мыслящих людей нашего общества все настоятельнее и настоятельнее становится запрос на осмысленное изложение исторических фактов, на построение науки об обществе, социологии, которая достойно завершила бы ряд наук математических, естественных и философских, на определение законов и обобщений, которые внесли бы ясность и правильность в хаотическое многообразие исторического материала» (Виноградов 1898: 254).

Проект социальной истории, который Виноградов пытался реализовать в своих частных исторических изысканиях, прямо вытекал из идеи «внутренней истории». Образцом подобного рода исследований для русского ученого служили работы Фюстель де Куланжа. В реферате, прочитанном 6 ноября 1889 г. на заседании Московского юридического общества, Виноградов следующим образом характеризовал исследования французского историка: «Его изучение прошедшего всегда задавалось целью не разрешить те или другие частные вопросы, а объяснить руководящие принципы целых периодов человеческого развития; при этом внешние исторические события, смена царствований, подробности войны и дипломатии совершенно ступшевываются, все внимание сосредоточивается на внутреннем строе: верования, нравственный склад, право, хозяйство, учреждения — вот что составляет содержание работ Фюстель де-Куланжа» (Виноградов 1890: 83–84). Свои исследования о происхождении феодализма Виноградов намеренно противопоставлял «внешней истории» и строил их по контрасту с исследованием П.Н. Кудрявцева «Судьбы Италии». «“Происхождение феодальных отношений”, — писал он о своей магистерской диссертации, — всецело посвящено так называемой внутренней истории, и притом хозяйственной, правовой и политической, а не религиозной и культурной» (Венгеров 1897–1904: 70). В том же ключе была подготовлена и докторская диссертация «Исследования по социальной истории Англии в средние века». Цель работы, отмечал Виноградов в нумерованном предисловии, состояла в том, чтобы «разъяснить именно социальный процесс, который важен не только сам по себе, но и объясняет многое в том, что происходило над ним в истории государства и духовной культуры» (Виноградов 1887). Главный исследовательский интерес Виноградова был сконцентрирован на выявлении экономических и правовых аспектов,

способствовавших становлению феодальных отношений. Уточняя позднее свою исходную позицию, он писал: «Вместе с тем центр тяжести исследования все более переходит в разработку экономических отношений, земельного и сословного права» (Венгеров 1897–1904: 71). А в курсе по истории средних веков признавался, что преимущественно «выделял для изложения на лекциях социальную и политическую историю» (Виноградов 1901: 14). Даже историю культуры подробно, впрочем, им не рассматриваемую, Виноградов вводил в контекст своих социально-исторических экскурсов. «История духовной культуры, — пояснял он, — представляет несомненно процесс также перво-степенной важности и притом процесс, который так переплетается с историей культуры социальной, что отделение без остатка одной от другой, в сущности говоря, не мыслимо» (Виноградов 1901: 15).

Так, постепенно, на основе анализа прежде всего хозяйственных и юридических явлений определялся проект социальной истории. Сам Виноградов рассматривал подобные исследовательские приоритеты как соответствующие современному уровню развития историографии. «Развитие исторической литературы, — писал он, — выдвинуло изучение социальной истории позднее всех остальных частей науки. Если вообще научная разработка истории является делом нашего столетия, то история общественная принадлежит преимущественно его второй половине» (Виноградов 1887: 1). «Замечено, — продолжал он ту же тему в английском издании своей диссертации, — что большая важность социальной стороны истории была признана позднее, чем другие аспекты этого исследования» (Vinogradoff 1892: 4). То, пояснял он в предисловии, «что можно назвать социальной историей — экономическое развитие наций, их классовое деление и формы кооперации» (Vinogradoff 1892: V). Социальная история теснее всего связана с политической экономией и юриспруденцией. Они многое проясняют в исторических явлениях и дают возможность сравнивать, но в то же время «их объект наблюдения менее сложен, чем явления человеческого сознания, морали или даже политической организации» (Vinogradoff 1892: VII).

Социальную направленность исторических работ Виноградова отмечали еще современники. Академики И. Янжул, А. Лаппо-Данилевский и М. Дьяков, дававшие заключение о научных трудах Виноградова во время его выборов в сверхштатные академики в 1913 г., указывали, что хотя Виноградов и избирается как историк-медиевист, его исследования написаны «под влиянием общего интереса к «социальной науке», главным образом в ее приложении к изучению сельской и «аграрной» истории Англии, а также под некоторым впечатлением социально-экономических отношений нашего недавнего прошлого» (Приложение к протоколу... 1913: к § 433). Коллеги Виноградова и первые историографы его наследия В. Бузескул и Д.М. Петрушевский также акцентировали социально-исторический уклон его трудов: «П.Г. Виноградов исследовал, как мы видели, преимущественно явления социально-экономической жизни и правовые. Он отдавал предпочтение исследованию истории социального строя» (Бузескул 1929: 181), «Виноградов является прежде всего и главным образом социальным историком с юридическим, правда, подходом к социальному процессу» (Петрушевский 1930: 21). «Виноградова интересуют не

юридические нормы и институты сами по себе в их правовом существе и в их эволюции, — разъяснял тут же Д.М. Петрушевский, — а общественные группы в их генезисе и сложном, многообразно обусловленном процессе их развития и взаимодействия, и изучение юридических идей и институтов является для него лишь одним из средств для исследования и упразднения этого социального процесса» (Петрушевский 1930: 21: 22).

В качестве примера можно привести исследование Виноградовым средневекового английского поместья. «Я попытался дать в ней, — аннотировал историк задачу своей книги «Средневековое поместье в Англии», — общий очерк развития манора как социального института, проходящего через все стадии английской истории» (Виноградов 1911: 5). В каждую историческую эпоху, утверждал он, можно выделить свое «социальное ядро». Для античности это город-государство, «civitas», «Πόλις», для средневековья — поместье, различающееся в зависимости от «исторической обстановки»: французское «Seigneurie», немецкое «Grundherrschaft». «В маноре, подобно классическому “городу-государству”, сосредоточиваются экономические, социальные и политические идеи и учреждения», — пояснял Виноградов в начале книги (Виноградов 1911: 5). Тщательно проанализировав социальные, хозяйственные и правовые функции средневекового английского поместья, историк пришел к следующему выводу: «Манор есть, во-первых, поместье, окруженное держаниями; во-вторых, он является комбинацией управляющих классов и подчиненных классов, военных и рабочих; и, наконец, в-третьих, он служит единицей местного управления» (Виноградов 1911: 293).

Разбору античных социальных концепций был посвящен обязательный семинарий Виноградова на четвертом курсе историко-филологического факультета по «Афинской политике» Аристотеля, незадолго до того открытой. «Можно сказать, что “Политика” Аристотеля, — передавал мысль Виноградова литографированный курс его лекций, — как сочинение философско-историческое и социологическое еще не превзойдено; в наше время подобного сочинения нет; у нас нет такой работы, которая на основании современного материала излагала бы общие условия и законы развития государства» (Виноградов 1898–1899: 5).

Общей теоретической основой социально-исторических построений Виноградова стала идея эволюции. «Итак, — растолковывал он свой подход в лекциях “О прогрессе”, — остановимся на некоторых общих положениях, вытекающих из самого понятия жизненной эволюции, и посмотрим, не приложимы ли они в одинаковой степени к организмам природы и организмам истории» (Виноградов 1898: 294). Эволюционный подход исходит из органических и биологических представлений. Идея эволюции, признавал Виноградов, — «идея в сущности биологическая, извлеченная, с одной стороны, из учения о развитии функций и органов живых организмов, с другой, — из истории развития самих органических видов от простейших до самых сложных» (Виноградов 1898: 291). Сам по себе органический взгляд на исторический процесс не был новинкой в историографии. Еще в XVIII в. просветительская историография часто злоупотребляла биологическими метафорами, рассматривая, например, исторические периоды по аналогии с возрастом живых организмов.

Эвристическая ценность такого подхода не иссякла, казалось, и в XIX в. Свои профессиональные знания о живом успешно трансплантировали в философско-исторические концепции старшие современники Виноградова Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев. Органическое рассмотрение социологических проблем предлагали П.Ф. Лилиенфельд и А.Н. Стронин. Виноградов в этом отношении не был новатором. Биология как активно развивающаяся наука о живом казалась ему лучшей опорой набирающей научный вес социологии. Согласно ученому, «развитие общества в основе своей является органическим или, пожалуй, подобным органическому» (Виноградов 1898: 294). Некоторая неуверенность, звучащая в этом утверждении, сменяется надеждой на то, что данные биологии могут быть отнесены к общественным наукам с большим успехом, чем достижения других дисциплин, например, психологии. Конечно, сближение с психологией вполне возможно для выработки социологии или научной истории. Но обобщения, полученные на основе данных психологии, пока не могут быть «приложены с успехом к материалу общественных наук» (Виноградов 1898: 292). Иное дело биология. «В конце концов, история анализирует жизнь обществ, и потому самому она не может остаться чужда влиянию учений биологии — науки о жизни», — формулировал Виноградов свою позицию в самом общем виде (Виноградов 1898: 292).

Пример подобного приложения биологии к истории Виноградов, в частности, делал в курсе истории средних веков. Определенные формы политической жизни и государственного устройства историк воспринимал в качестве признаков соответствующего возраста общественного организма. «Представительство и конституционализм, — намекал Виноградов на свои политические предпочтения по ходу средневековских штудий, — тем и любопытны, тем и важны, тем и могущественны, что они не являются средствами, придуманными умными людьми для известных определенных отношений, которые можно, пожалуй, переправить, поставить иначе, но являются результатом роста, признаком известной формы развития, которая наступает в известный момент с большой силой» (Виноградов 1901: 6). До конституционализма надо в буквальном смысле дорасти.

Согласно эволюционной точке зрения, история не противопоставляется природе и не выводится из природы как ее в определенной степени новое состояние. История представляет с природой единый процесс и подчиняется, хотя и с некоторыми ограничениями, тем же закономерностям, которые действуют в природе. Эволюционное движение истории вторит эволюционной поступи природы. В истории, рассуждает Виноградов, мы видим обособленные живые организмы, которые могут образовывать «федерации» или «сцепления органических форм». В свою очередь, эти федерации также могут рассматриваться как целое, как самостоятельная особь. Аналогичный процесс можно наблюдать и в обществе: «Семья, род, племя, государство, церковь могут быть рассматриваемы как обособленные организмы, преследующие свои цели и поддерживающие свое существование во взаимодействии с окружающей средой» (Виноградов 1898: 295). Неявно повторяя ход мысли П.Ф. Лилиенфельда, Виноградов полагает, что каждый человек подобно клеточке в целом организме принимает участие в различных сторонах соци-

альной жизни: в семье, государстве, церковной организации, производстве, научном, художественном, литературном процессах. «В каждом человеке, — уточняет историк, — перекрещиваются и так или иначе комбинируются очень много отдельных эволюций. Жизнь общества — синтез всех этих эволюций, с преобладающим влиянием той или другой, но с известным влиянием каждой» (Виноградов 1898: 296).

Прямым источником эволюционных воззрений Виноградова была, на что он сам указывал, социологическая система Г. Спенсера. Позитивизм служил Виноградову общей основой всех его теоретических заключений и обобщений. Требования, предъявляемые им к научной истории, соответствуют главным постулатам позитивизма: изучение явлений, а не сущностей вещей, использование идей и методов, добытых естествознанием, отказ от любых метафизических предпосылок в исследованиях. Однако русский ученый достаточно трезво оценивает концепцию Г. Спенсера, видит ее недостатки и ограниченность. «Спенсер, — пишет он, — старался придать ей механическое обоснование, чтобы без остатка свести ее на законы единства существа и сохранения энергии, но при этом философском синтезе утрачивается целый ряд конкретных и существенных определений эволюции и получается возможность спешно, без критики набивать в нее, как в какой-то мешок, самые разнородные явления всех возможных порядков» (Виноградов 1898: 291). Более строгое следование методам биологии и ее выводам кажется Виноградову более последовательным способом выдержать научность исторических поисков. Он пишет, что «для исследования исторических явлений лучше иметь в виду не общую механическую теорию сосредоточения материи и рассеяния движения (как у Г. Спенсера. — *А.М.*), а постановку эволюционного принципа в применении к биологии. Дело в том, что человек, чем бы он ни был помимо своей животной природы, во всяком случае, есть, между прочим, и животное. Биологические законы к нему поэтому несомненно приложимы, если бы даже они и не были достаточны, чтоб объяснить всю его деятельность» (Виноградов 1898: 294). И все же Виноградов полностью принимает главную идею спенсеровской социологии — идею дифференциации частей при интеграции целого. В формулировке Виноградова она звучит следующим образом: «Внешнему взаимодействию и росту соответствует эволюция внутренней организации» (Виноградов 1898: 300).

Наиболее адекватно понятия эволюции или развития, которые фактически употребляются Виноградовым как синонимы, применимы для объяснения таких общественных форм, как государство, народ, племя и т. п. Для объяснения других сфер жизни, например, литературы, науки, нравственности, хозяйства, оно применимо несколько в ином смысле. Понятие общественной эволюции, уточняет историк, приложимо к ним не буквально, а по аналогии (Виноградов 1898: 298). Напомню, что концепцию исторической эволюции на том же фундаменте спенсеровской социологии активно разрабатывал Н.И. Кареев. Он же пытался ввести эволюционную точку зрения и в историю литературы, создавая теорию литературной эволюции, результатом чего стала редко привлекающая внимание исследователей книга «Литературная эволюция на Западе», изданная в Воронеже в 1886 г. Эволюцио-

нистский замах Виноградова ограничивался только сферой общественно-политических, правовых и экономических явлений. Зато его объясняющая сила здесь поистине казалась ученому безграничной. В очерченных пределах эволюционизм готов найти оправдание любым явлениям. Даже мировая война и спровоцированные ею в России события, приведшие к революции, уже не кажутся Виноградову сбоем в уверенной поступи эволюционизма. Это особенно примечательно, поскольку эволюционная точка зрения всегда служила русскому ученому теоретической опорой того прогрессистского оптимизма, которым был проникнут весь XIX в. и который Виноградов в полной мере разделял. Мировая война, конечно, заставила историка задуматься над происходящими событиями, их смыслом и возможными последствиями. Свои размышления Виноградов представил в нескольких популярных очерках, адресованных прежде всего английским читателям. В 1915 г. в Лондоне он опубликовал брошюру «Русская проблема», в которую вошли лекция «Россия после войны», прочитанная в Шеффилде и Ноттингеме, и письмо в газету «Таймс» «Россия. Психология нации» (14 сентября 1914 г.). Здесь Виноградов в основном дает очерк социально-политической истории России в XIX в., которым иллюстрирует свои рассуждения о государственном состоянии России, ее перспективах и шансе на мирное и прогрессивное развитие. Виноградов видит, что английскому общественному мнению трудно понять происходящее в России, а ее современная политическая ситуация просто шокирует людей на Западе. Заметна растерянность и самого Виноградова; разразившаяся война была для него неожиданностью. Но все же «то, что произошло», успокаивает он себя, «есть только проявление скрытых сил, скопившихся до столкновения» (Vinogradoff 1915: V). «Но вдумчивый наблюдатель, — признается ученый, — понимает, что происходящее не вызвано тем или другим действием правительства, а есть проявление общей эволюции нации» (Vinogradoff 1915: VI–VII).

Эволюционная точка зрения не обязательно означает веру в безусловное прогрессивное развитие человечества. Историческое развитие не всегда идет по прямой. Н.И. Кареев, например, выражал это в идее «колеблющейся эволюции», хотя при этом и сохранял убеждение в поступательном в конечном счете движении истории. Виноградов также одной из заслуг эволюционизма считал конец «оптимистическим заблуждениям», согласно которым «мир вертится вокруг судьбы людей и служит их стремлениям к счастью» (Виноградов 1898: 291–292). Однако главную заслугу эволюционизма он видел все же в перенесении в общественные науки органической точки зрения. «Затем, — пояснял историк, — эволюционный метод делает возможным совершенно новую обработку общественных наук на основе сближения их с биологией» (Виноградов 1898: 292). Главным результатом применения эволюционного подхода в истории можно считать сближение ее с антропологией и социологией. «Никто не будет отрицать, — писал Виноградов в «Willainage in England», — что историческое исследование все более и более расширяется в сторону того, что сейчас называют антропологией и социальной наукой» (Vinogradoff 1982: VI). Это дает возможность исторической науке проникнуть в те сферы прошлого, которые раньше были для нее недоступны. Такова,

в частности, генетическая социология или, по словам Виноградова, «туманная область ранней этнографии и начальной истории» (Виноградов 1883: 390).

В одном из лекционных курсов он прямо говорит о том несомненном интересе, какой для историка представляют начальные этапы общественной жизни. Причинно-следственная зависимость, окутывающая все происходящие события и уводящая исследователя все дальше и дальше в темные закоулки прошлого, неизбежно ставит вопрос о своеобразной исторической первопричине, т. е. том элементарном в социальном и историческом отношениях состоянии, с которого началось последующее историческое движение. Если современная Виноградову политическая и социальная конфигурация Европы, по его мнению, восходит к средневековью, то насколько фундаментальными должны быть события «праистории», если воспользоваться термином П.Н. Милюкова. И все же наши знания этого периода очень приблизительны. Историческое их изучение если когда-нибудь и выйдет из сферы пожеланий, не сможет опереться на достаточное количество фактов. Изучение «праистории» — задача не только, а может быть, и не столько истории, сколько социологии, которая должна, с одной стороны, набросать общую схему социальной эволюции, а с другой, концептуально-догматически проинтерпретировать ее этапы. «Начало всякой истории, есть, собственно говоря, — рассуждал Виноградов, — величина совершенно неопределенная и произвольная, потому что всякая историческая группа, прежде чем стать исторической индивидуальностью, имела свой доисторический период, весьма длинный и имевший большое влияние на весь последующий ход событий. Хотя в этот период проникнуть весьма важно и любопытно, но это не всегда удается» (Виноградов 1898–1899: 19).

Недостаточность сведений о ранних периодах человеческой истории теперь может компенсироваться данными антропологии и социологии, т. е. представлениями об идентичности социальной организации примитивных обществ и универсальности этапов общественной эволюции. «Но для истории доисторического периода, если можно так выразиться, — пояснял Виноградов в «Очерках западно-европейской историографии», — свидетельства источников имеют наименьшее значение, да и изучения материальных остатков культуры недостаточно: приходится опираться на антропологию и сравнительное языкознание» (Виноградов 1883: 391). Проблемой происхождения общества на основе изучения первобытных народов занимался, в частности, английский историк Г. Мэн, о котором много Виноградов и продолжателем дела которого он себя ощущал. Основная заслуга Г. Мэна — разработка сравнительно-исторического метода.

Другим методологическим подспорьем генетической социологии является метод пережитков или, по выражению Виноградова, «переживаний и аномалий», «засевших» в современности. Пережитки могут быть поняты только в соотнесении с ушедшими историческими эпохами; они «получают смысл только в связи с прошедшим» (Виноградов 1890: 93). Не разрабатывая подробно данный методологический прием, Виноградов касался его лишь в самых общих чертах. Например, в курсе по истории Греции он утверждал, что «первоначальная история всегда замешана в позднейшей. События сме-

няются, чередуются, но каждое последующее носит следы предыдущего. Мы окружены пережитками того, что уже отжило и продолжает существовать, как материал, напоминаящий нам о том строе, когда он действовал, как живой. Если мы обратимся к современному быту, то увидим, что в поверьях, обрядах, обычаях, даже законах есть множество фактов и условий, которые нам совершенно чужды, которые остались от прежнего времени и прежде имели смысл. Главным критерием при определении этих остатков является их коренное противоречие с окружающим бытом» (Виноградов 1898–1899: 20). И тут же Виноградов замечал: «Особенно сильно переживание в истории права» (Виноградов 1898–1899: 21).

Эволюционной точкой зрения отчасти объясняется и такая, «случайная» на первый взгляд, тема исторических экскурсов Виноградова, как славянофильство. Действительно, Виноградов создал себе имя в науке исследованиями по истории западноевропейского средневековья, затем много занимался сравнительным правоведением. Славянофильство в этом смысле не вписывается ни хронологически, ни тематически в сферу научных интересов историка. По крайней мере, Виноградову были бы ближе и с ученой и с идеологической стороны противники славянофилов — историко-юридическая или государственная школа. Да и сам Виноградов из всего курса о славянофилах решил опубликовать в виде статьи лишь одну лекцию «И.В. Киреевский и начало московского славянофильства», прочитанную 20 ноября 1891 г. «в пользу населения местностей, пострадавших от неурожая» (Виноградов 1892: 98). Примечательно, что ученый остановил свой выбор на И.В. Киреевском, которому славянофильство больше всего обязано разработкой философской, а не исторической стороны учения. Примечательно и другое: Виноградов дает в целом положительный взгляд на исходную доктрину славянофильства практически одновременно с резко отрицательной статьей своего ученика П.Н. Милюкова «Разложение славянофильства», напечатанной год спустя в тех же «Вопросах философии и психологии» (Кн. 18). Не берусь судить, но интерес к славянофильству среди русских историков в начале 1890-х гг. был, очевидно, симптоматичен. Для примера укажу на усилившиеся славянофильские симпатии, например, у К.Н. Бестужева-Рюмина. В.О. Ключевский в своей записной книжке пометил под 1893 г. (кстати, вскоре после столь негативно воспринятой им диссертации П.Н. Милюкова): «Разложение славянофильства — пахнет от разлагателя» (Ключевский 1990: 398). Сам Виноградов, по-видимому, усматривал в славянофилах предшественников развиваемого им эволюционного подхода. В автобиографическом очерке он писал о славянофилах: «Направление это можно признать в настоящее время за “überwundener Standpunkt”, как говорят немцы. Оно уступило место эволюционной теории» (Венгеров 1897–1904: 73). С другой стороны, либеральным нравам Виноградова импонировал и, по его выражению, «архаический либерализм» славянофилов. «Особенно вызывает удивление, — делился он своими впечатлениями, — духовная самостоятельность и плодотворность этих людей во время строгой правительственной опеки, их гуманное, всесторонне развитие, их могущественное влияние на окружающее общество» (Виноградов 1892: 100). Гуманизм был взра-

щен дворянской культурой аристократически воспитанных, обеспеченных и досужных людей с утонченными вкусами. «Они выдвинули в нашей истории своего рода гуманизм, литературный и философский», — констатировал Виноградов (Виноградов 1892: 101).

Происхождение московского славянофильства, конечно, не то же самое, что происхождение феодализма, хотя некоторые элементы общего подхода все же можно усмотреть. Так, Виноградов в обоих случаях стремится проанализировать более широкий контекст, в который вписывается исследуемое историческое явление, в первом случае это хозяйственно-правовые отношения, во втором, историко-культурные. С подлинной страстью антиквара Виноградов готов признать ценность любых проявлений исторической жизни. «Моя цель была, — поясняет он, — представить попытку исторической оценки исходного момента славянофильства. Такая оценка включает элементы критики, потому что ставит факты в связь развития и раскрывает его преходящий характер. В этом смысле метод учит, что крупные исторические явления имеют всегда свое оправдание. Они не явились даром и не проходят бесследно, хотя впадают в искажения и вызывают оппозицию» (Виноградов 1892: 125).

Понять славянофильство можно, осознав его, с одной стороны, частью более широкого интеллектуального или культурного движения, с другой, представив то место, которое это явление занимает в истории самого народа. Рассматривая тот историко-культурный контекст, в котором зародилось славянофильство, Виноградов называет его «европейской школой», имея в виду связь славянофильства с теми «определенными течениями в западно-европейской литературе», которые можно назвать консерватизмом и романтизмом. В этом отношении он указывает на таких предшественников славянофилов, как Шишков, Карамзин, Погодин (Виноградов 1892: 118). Отсюда уясняется и значение И.В. Киреевского: «Киреевский замыкает цепь между некоторыми коренными взглядами славянофильства и умственным движением Европы в первые десятилетия нашего века. В этом главный интерес его произведений» (Виноградов 1892: 117). В консервативно-романтическом движении, в частности, в немецкой исторической школе права, в изучении народной психологии и этнографии выработывался новый взгляд на историю как на органический процесс (Виноградов 1892: 122–123), а тем самым обозначается и научная генеалогия самого Виноградова.

Место славянофильства в историческом развитии русского народа не менее примечательно. Это было время «культурной молодости народа, вступающего наконец в свое умственное совершеннолетие» (Виноградов 1892: 101). Метафора возраста, примененная к самому славянофильскому движению, не только дает пример приложения органической точки зрения к русской истории, но и поясняет многие крайности и излишества славянофильства. В этот период формируется национальное образование, искусство, философия; и славянофилы ярче других выражают происходящие изменения. В этом смысле славянофилы были наиболее органической, т. е. соответствующей периоду-возрасту частью русского общества. По словам Виноградова, «как с Пушкиным и Гоголем Петровская реформа осуществи-

лась в литературе, так с Грановским и Хомяковым стала на ноги научная и философская мысль в русском обществе» (Виноградов 1892: 100).

Однако исчерпывается ли указанными чертами сущность славянофильского направления? Во-первых, Виноградов отмечает малое значение славянского вопроса для славянофилов: «...панславизм и славянофильство совсем не синонимы» (Виноградов 1892: 102). Во вторых, славянофильство не тождественно москофильству. Славянофильство, критикуя петровские реформы и идеализируя старину, приходит, считает он, к «архаическому либерализму», несовместимому с приматом государственного начала и принесением в жертву единству и силе государства свободных начал земства и личности. Третьей, и на самом деле главной, чертой славянофильства было стремление выработать новое философское мировоззрение. «Центр тяжести их интересов, — утверждал исследователь, — в установлении нового философского мирозерцания: история и богословие разрабатываются в той степени, как это нужно для проведения идеи этого мирозерцания» (Виноградов 1892: 104). Изучение прошлого было подчинено у славянофилов построению историософской и богословской концепции. Историософия, пожалуй, оказалась наиболее разработанной частью славянофильской доктрины. Наиболее преуспели в этом А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. «Историей ни тот, ни другой не пренебрегали, — пишет Виноградов, — но интересовались они историей в ее самых общих и так сказать философских очертаниях. Даже странные специальные изыскания Хомякова в области средних веков имеют в виду никак не равномерное изучение материала, а подготовку доказательств для философско-исторических обобщений» (Виноградов 1892: 103–104).

Виноградов, конечно, сознает, насколько далеки его собственные философско-исторические пристрастия от положений, отстаиваемых славянофилами. Он критикует их представление о провиденциальной роли России и свойственный славянофилам схематический взгляд на исторические народы, например, отождествление германства с принципом индивидуальности. История, изучая прошлое, позволяет лучше понять современность, но служит плохим советчиком в деле предсказания будущего. Поэтому любые пророчества о судьбе России не только неуместны, но и не соизмеримы с масштабом индивидуального существования, не способного обнять и постигнуть незавершенный еще исторический процесс. «История России заложена в таких громадных размерах и рассчитана, очевидно, на такие обширные периоды, что нет надобности спешить некрологом», — заключал он (Виноградов 1892: 125). Виноградов признавал, что теоретическое и практическое значение славянофилов велико, многие их идеи оказались жизнеспособными, но в них историк видит уже и «смертную сторону» славянофильства.

Впрочем, «увлечение» славянофильством не прошло для Виноградова даром. Он не только обнаружил в славянофильстве истоки развиваемой им органической точки зрения на историю и общество. Отдельные мыслительные конструкции и образы славянофилов периодически, возможно безотчетно, проговаривались в его собственных теоретических конструкциях. Приведу показательный в этом отношении пример. Со времени написания статьи о

И.В. Киреевском минула почти четверть века; Виноградов давно уже, променяв свою московскую известность на мировое признание, жил в Англии. Публикуя в Москве в 1915 г. введение в курс сравнительного правоведения, читаемого им в Оксфордском университете, он давал свое истолкование сознания. И при этом явно вплетал в рассуждение, представляющее смесь английского эмпиризма с новомодным позитивизмом, используемую И.В. Киреевским в наброске концепции «Цельной личности» музыкальную метафору, согласно которой гармонично звучат все струны души. Приведу это странное рассуждение Виноградова: «Мы также (как и животные. — А.М.) подвержены непосредственным импульсам нашей эмоциональной природы, но наряду с этим непосредственным двигателем мы сознаем присутствие в нашем уме совершенно иного духовного процесса. Мы всегда как бы представляем зеркало нашим эмоциям, идеям и решениям, и вследствие такого самосознания мы переживаем события и действия нашего существования не только в их прямой последовательности, но так же, как ряд отражений. Струны нашего духа непосредственно затрагиваются снаружи различными впечатлениями, производимыми встречающимися нам предметами, равно как и физиологическими и духовными событиями в нашем собственном организме. Процесс рефлексии делает для нас возможным переставлять ряды наших впечатлений и воспоминаний, согласовывать их с сознательными целями и сознательно избранными мерилami» (Виноградов 1915: 7).

Виноградов не ограничивается общими рассуждениями об эволюционной точке зрения в общественных науках. Он формулирует базовые понятия, позволяющие уяснить специфичность исторической эволюции. Эти понятия отражают структуру «общественных форм». К самой общей из них относятся *общественные союзы*, ставящие общие цели, концентрирующие коллективную волю, провозглашающие примат целого над частями. «Говоря об общественных формах, — поясняет Виноградов, — мы прежде всего имеем в виду общественные *союзы*, сознательно преследующие свои цели и снабженные определенной властью, в которой выражается воля союза; воля эта господствует над волей отдельных лиц, входящих в состав союза, и в известном случае может осуществляться в виде принуждения» (Виноградов 1898: 296). В юридических исследованиях Виноградов уточняет принципы, на которых строятся общественные союзы или ассоциации. «Имеются, таким образом, — пишет он, — некоторые элементарные требования, предъявляемые к участникам ассоциации: они не должны причинять друг другу вреда, не должны добиваться несправедливого преимущества друг над другом, не должны поступать так, как если бы их личная воля и удовольствие были все, а воля и интересы других ничто» (Виноградов 1915: 10). К общественным союзам относятся государство, церковь, семья.

Конкретнее и ярче всего принцип власти реализуется в государстве как типе политических отношений. Власть всегда, явно или неявно, строится на принуждении; политические отношения (в том числе и государство) — еще и на взаимных обязательствах. «Когда приходится организовать власть и защиту, — замечал Виноградов в курсе по истории средних веков, — организовать средства принуждения, является запрос на форму власти с опре-

деленными правами и с определенными средствами для их проведения, тогда-то и возникают политические отношения» (Виноградов 1901: 19).

Следующий уровень составляют *общественные группы*. Согласно Виноградову, «общественные группы, которые так или иначе обособились от окружающей среды, выработали исторические черты, специально их характеризующие, обладают даже сознанием своего обособления и средствами более тесного сближения между составляющими его членами, но не обладают юридически определенной волею и властью» (Виноградов 1898: 296). Примером общественной группы является народ. Народ обладает единством сознания, но единство воли обретает, лишь перейдя в государственную форму.

Двигаясь далее по классификационной лестнице «общественных форм», мы приходим к племени, или расе. Здесь принцип единства выражен еще более слабо. По существу он сведен к антропологическому сходству или антропологическому типу, сформированному общим происхождением или общими естественными условиями, но лишенному единства сознания и воли. Так, обозначаются три признака, на основе которых Виноградов проводит свое различие «общественных форм» — власть, сознание, типическое отличие.

Помимо таких более специальных и конкретных терминов, как общественные союзы, общественные группы и племя, можно пользоваться понятием «общества как совокупности всех кругов жизни, всех групп...» (Виноградов 1898: 298), т. е. понятием общества в широком смысле. Виноградов также говорит о синтетичности и условности такого понимания общества. Вот, что он пишет: «Необходимо лишь иметь в виду, что понятие «общества» синтетическое и условное. Оно не подчиняется определенному отграничению и может быть обращено в ту или другую сторону, смотря по тому, на какой признак мы обратим преимущественное внимание. Во всяком случае, эта высшая синтетическая комбинация, подобно первому составному элементу — отдельному человеку, — характеризуется прежде всего многообразием своих проявлений и перекрестными связями между всеми этими проявлениями» (Виноградов 1898: 300).

Разъяснением точки зрения Виноградова могут служить его замечания в курсе истории средних веков. Здесь он также говорил о понятии общества в широком и узком смысле. Согласно историку, «понятие социальной области можно брать и очень широко и очень узко: с одной стороны, можно понимать социальное развитие в смысле развития общества в его целом, т. е. общества как суммы всех материальных и духовных взаимодействий между людьми <...> в смысле развития общественности» (Виноградов 1901: 17). Сюда же, в дополнение к формам кооперации и хозяйственных отношений Виноградов включает обмен мыслями, духовное общение. Понимая важность духовных процессов в обществе, он, тем не менее, практически не выделял их из социальной истории. Общество в узком смысле более определено, согласно Виноградову, связано с экономическими процессами. «В этом случае, — пояснял он, — термин берется прежде всего с точки зрения материального состава и материальных отношений между его членами <...> Это — взаимодействие прежде всего материальное, взаимодействие людей, которые, входя друг с другом в разнообразные отношения,

располагаются по отношению к труду, капиталу, производству и потреблению в известных определенных группах» (Виноградов 1901: 18). Ограничение социальной сферы материальными отношениями дает основание для противопоставления общества государству.

Объединение индивидов в общество — неизбежный, естественный процесс. «Человек, по преимуществу, — перефразировал Виноградов известное определение Аристотеля, — общественное существо. Социальное общение предписывается ему природой <...> если социальное общение требуется человеческой природой, то какой-либо *порядок* есть необходимое условие социального общения» (Виноградов 1915: 9). Простейшая форма такого объединения — кооперация. Исходным элементом общества Виноградов, следуя либеральным установкам, признает личность. Изначальная, почти инстинктивная потребность в социальном общении дополняется осознанием приносимой совместной деятельностью пользы. Человек не только тяготеет к совместной жизни, но и нуждается в поддержке со стороны других людей. Правда, первоначальные общественные союзы могут оказывать чрезмерное давление на личность. Подавление личности — характерная черта всех ранних человеческих союзов. Однако мы видим в истории постепенное освобождение личностного начала, и это уже признак исторического прогресса. Рассматривая английское средневековое общество, Виноградов делал следующее общее заключение о древнейших формах кооперации: «Ни при каком общественном строе личность не может жить в одиночку в полной независимости от других. Во многих отношениях ей приходится рассчитывать на помощь и поддержку своих сотоварищей; и хотя в древности формы кооперации не были столь разнообразны и не приводили к таким результатам, как в настоящее время, — существовавшие социальные группы проявляли большую силу, чем в нашу эпоху. Отдельная личность была слабее — с одной стороны, вследствие недостаточности знаний и технической выучки, с другой — вследствие незначительного развития государственности. Было бы неправильно утверждать, что факторы, порождавшие общинные и кооперативные отношения, совершенно поработили индивидуальное начало: последнее несомненно имело много случаев высказаться, но естественные социальные группы, возниковавшие и развивавшиеся сами собой, независимо от прямого соглашения и договора, оказывали весьма могущественное влияние на жизнь народа» (Vinogradoff 1982: 134–135).

Даже великие люди, крупные исторические деятели не свободны полностью от влияния своей социальной среды и эпохи. Виноградов специально не занимался вопросом о великих людях в истории. Его размышления по этому поводу фрагментарны и случайны. Так, разбирая историческую концепцию Л. фон Ранке, он, в частности, писал: «Великий человек есть живое сосредоточие общих течений своего времени: рассмотрев общие течения, необходимо принять во внимание и жизненную искру, которая сводит их в индивидуальность» (Виноградов 1888: 221). Эволюционная точка зрения, по-видимому, заставляла Виноградова несколько принижать значение великих людей в истории, которые либо аккумулируют в своей деятельности общую тенденцию социальной эволюции и в этом смысле зависимы от нее, либо пы-

таются нарушить ее органический ход и в этом смысле вредны. Болезненно воспринимая деформацию эволюционного пути общественного развития, Виноградов в статье «Россия. Психология нации», скорее для самоуспокоения, чем для английских читателей, утверждал: «К счастью, ход истории не зависит от неистовых преувеличений сторонников» (Vinogradoff 1915: 32).

Еще один неизбежный этап социальной трансформации, сопровождающий освобождение личности — отделение гражданского общества от государства. В разнообразных, возникающих путем кооперации, общественных союзах возникает «весьма естественное стремление пришедшего к самосознанию общества — приобрести самостоятельность, выйти из-под опеки государственной власти и повлиять на нее в свою очередь» (Виноградов 1883: 187).

Аналогия между организмом и обществом, определяющая ход мысли Виноградова, побуждает его признать целями исторического процесса те же цели, которыми руководствуется индивид — поддержание существования и удовлетворение потребностей. В то же время либеральная ориентация историка указывает на необходимость согласования интересов общества и личности. «Каждый организм общественный, — рассуждает ученый, — также является целым, которое преследует подобные цели (поддержание существования и удовлетворение потребностей. — *A. M.*), но преследует их не безусловно и самопроизвольно, а в зависимости от того, что он служит так или иначе интересам и потребностям отдельных личностей, его составляющих. Между той и другой целью всегда существует известный антагонизм, потому что общественный союз должен до известной степени жить на счет составных элементов, ограничивать их и эксплуатировать их» (Виноградов 1898: 300). Эгоизм целого над частями допустим лишь в известных пределах. При невыносимости ига целого, например, государства над социальными группами или индивидами, возможен их переход в другой общественный организм или, по словам историка, «отлив интересов и нравственных сил из одного союза в другой» (Виноградов 1898: 300). В качестве иллюстрации Виноградов приводит отношения между Римской империей и христианской церковью в первые века нашей эры. Между интересами внешнего развития общества и стремлением его членов к личной свободе и благосостоянию необходим компромисс. Этот компромисс лучше всего достигим, если само общество в качестве целей будет ставить улучшение жизни своих граждан. Однако и гражданин должен преследовать цели более общие, нежели только достижение личного благополучия. Личный эгоизм ничуть не лучше эгоизма общественного. Симфония общественных и личных целей может регулироваться стремлением к истине, разумности и справедливости. «Таким образом, — подытоживает ученый, — поскольку целью общества для его собственного преуспевания должно быть удовлетворение лучших потребностей и стремлений его граждан, жизнь всей совокупности, общества, вместо того, чтобы остаться коллективным эгоизмом, становится идейным и нравственным процессом. Таким образом, обществу не чуждо, а напротив, врожденно все лучшее, к чему может стремиться отдельный человек, и если последний может и должен ставить себе целью жизни

достижение истины, разумность, справедливость, свободу, а не только удовлетворение своих непосредственных нужд и желаний, то в этой идейной работе призвано принять участие общество со всеми многообразными силами своей кооперации и сознательного устроения» (Виноградов 1898: 301).

Индивидуальное поведение и относительно других индивидов, и относительно общества регулируется прежде всего началами разума и нравственности, причем нравственность в трактовке Виноградова полностью поглощается разумностью. «Сознательное мышление нормального человека, — постулирует он, — характеризуется далее тем, что оно разумно, т. е., что оно подчиняется мерилам логики и нравственности» (Виноградов 1915: 11). Цитируя И. Канта, противопоставлявшего должное и сущее, историк указывает на то, что «противоречие между тем, что случается, и тем, что должно было случиться, лежит в основе всей человеческой морали» (Виноградов 1915: 11–12). Принцип долженствования, пусть и не в такой безусловной форме, заложен и в юридических отношениях. «Целью права, — пишет Виноградов в «Очерках по теории права», — является установление правил поведения, правил о том, что следует делать и чего следует воздерживаться» (Виноградов 1915: 12). Однако помимо предписаний морали и требований права существуют и другие правила поведения, регулирующие реальную жизнь общества: правила приличия, обычаи, условные нормы, например, профессиональные или сословные. Правовые или моральные нормы — лишь одни из таких правил поведения, отличающиеся от прочих большей строгостью, требовательностью и обязательностью, но не всегда большей распространенностью. «Только что характеризованные правила, — Виноградов имеет в виду перечисленные правила поведения, — образуют роль лестницы, в которой каждая ступень предполагает более строгие обязательства, чем предшествующая ей. Обычай более принудителен, чем мода; условный кодекс более повелителен, нежели обычаи; и правила морали более абсолютны, чем правила, вытекающие из общественных условностей. Наконец, юридические обязанности могут быть названы более обязательными, чем моральные предписания» (Виноградов 1915: 13). Поясняя далее, мыслитель пишет, что в основе градации правил поведения и соответствующих им форм лежат «различные комбинации побуждений личной совести, инстинктивного повиновения и внешнего давления» (Виноградов 1915: 13). Мода как форма поведения, например, больше руководствуется личным вкусом, чем общественным давлением. Цель моды не важна; она строится на подражании и поэтому распространяется «как бы стадным образом» (Виноградов 1915: 13). Обычаи опираются, как правило, на личные отношения, воспроизводят атмосферу межличностных отношений. Обычаи «направлены к тому, чтобы облегчить бег колес социального строя, смягчить отношения между знакомыми, друзьями, начальниками и подчиненными посредством благожелательности и взаимной оценки; их приходится приобретать воспитанием и привычкой, но в конце концов они становятся почти инстинктивными» (Виноградов 1915: 13). Задача условных норм — ограничение и спецификация обязанностей. Нравственные же требования, хотя они более безусловны и даже абсолютны, нежели другие правила, могут быть

приняты исходя из представления о личной пользе и выгоде. В качестве основы моральных норм может быть допущен разумный эгоизм, вполне логично выводимый из необходимости согласования личных и общественных интересов. Согласно Виноградову, «как бы ни была груба нравственная природа человека, он, обыкновенно, признает моральные правила, поскольку они могут гарантировать его собственные интересы» (Виноградов 1915: 14).

Как и всякий организм, общество вынуждено регулировать свои взаимоотношения со средой. Это приводит к дифференциации функций и органов общества на внешние и внутренние, на занятые поглощением и ассимиляцией. По словам Виноградова, происходит «внутренний процесс дифференциации и интеграции функций и органов» (Виноградов 1898: 302). Такова эволюция исторических и общественных организмов. Однако вполне возможен и обратный процесс, т. е. остановка в развитии, коснение, отказ от изменений. «Закон взаимодействия с окружающей средой, — продолжает свою мысль исследователь, — находит себе блестящее подтверждение в истории обществ. Мало того, что каждая общественная форма принуждена приспособляться к окружающим условиям, как естественным, так и историческим, все ее существование связано с вопросом, сумеет ли она привлечь к себе достаточное количество людей, материальных средств, духовных сил и переработать этот материал для своих целей» (Виноградов 1898: 303).

Проблема взаимоотношений общества со средой, а также биологические аналогии в духе спенсеровского эволюционизма наводят социологические размышления Виноградова на вопрос о смерти общества или, по его словам, на «вопрос об остановке развития и гибели общественных организмов» (Виноградов 1898: 305). Поднятая Виноградовым тема не была новой в отечественной социологической литературе, да и жанр популярных лекций, по-видимому, не предполагал чрезмерной оригинальности в подходе и трактовке проблем. Из старших современников Виноградова о причинах гибели общественных организмов рассуждали П.Ф. Лилиенфельд и А.И. Стронин. Схожий взгляд развивал коллега Виноградова по историческим занятиям Н.И. Кареев. Причиной смерти организмов, и индивидуальных, и общественных, полагал Виноградов, служит «несоответствие между давлением среды и внутренней энергией, или устаревшими и окостеневшими приспособлениями» (Виноградов 1898: 305). В этом подобие, но есть и различие. Смерть общества не означает полную аннигиляцию, разложение всех частей общественного организма, но скорее перегруппировку и новую комбинацию составляющих его союзов и объединений. Разлагающая тенденция не охватывает все общество целиком; параллельно ей даже могут набирать жизненную силу другие части общества. «Вследствие того, что в одном и том же обществе развиваются одновременно несколько общественных союзов, — разъясняет свою точку зрения Виноградов, — не может быть случая полного и окончательного уничтожения известного общества или распада его на первоначальные элементы — на отдельных людей. В непрерывной истории общества может совпадать появление признаков прогрессирующего развития в одном отношении с появлением признаков разложения в другом» (Виноградов 1898: 306). Примером прогрессирующего союза

в первые века нашей эры, приводит Виноградов историческую иллюстрацию, может служить христианская церковь, а примером разлагающегося союза — Римское государство. Римское государство было побеждено германскими племенами, но германское язычество было побеждено римской церковью. Падение Римской империи, таким образом, не новый этап развития германских племен, а трансформация римских общественных форм. «Факт всемирно-исторической передачи и перекрестных влияний, — заключает ученый, — является в этом случае настолько капитальным, что научная история принуждена отодвинуть совершенно на второй план этнографические признаки и сосредоточить внимание на истории единого преобразующегося общества» (Виноградов 1898: 307).

Более того, некоторые части распадающегося общественного союза могут войти в состав вновь образующегося. Таково, например, в конце античной эпохи римское право. Восприятие римского права в средние века — одна из излюбленных тем Виноградова. Ей он, в частности, посвятил один из своих семинаров в Московском университете, опубликовав по его результатам небольшое исследование «Римское право в средневековой Европе» (1910). Обобщая свои исторические познания, Виноградов указывает на преемственность социальных форм, на заимствование общественных союзов и их элементов как всемирно-исторический процесс. Ученый видит единство социально-исторического развития, итогом которого становится пополняющаяся от эпохи к эпохе общечеловеческая культура. «Вследствие таких сцеплений и переходов между сменяющимися общественными союзами, — развивает Виноградов свою мысль в духе универсалистского оптимизма, — оказывается, несмотря на эволюционный характер отдельных процессов, что завязывается в истории непрерывная культурная цепь, звенья которой выковываются отдельными эпохами и отдельными общественными организациями, но которая сама по себе составляет известное целое и простирается над всеми этими эпохами и организациями. В этом смысле можно говорить о всемирно-исторической культуре и утверждать, что она бессмертна, поскольку, вообще, бессмертно человечество» (Виноградов 1898: 307).

Еще большим историческим оптимизмом и предвкушением новых успехов космополитической культуры была проникнута речь Виноградова «Накануне нового столетия», произнесенная 8 октября 1900 г. в Историческом музее в Москве на чтениях, устраиваемых возглавляемым им Педагогическим обществом при Московском университете. Рубеж двух столетий, намечающий уже итоги целого тысячелетия и манящий перспективами нового века, побуждал многих мыслителей вынести уходящему столетию оправдательный приговор, плавно переходящий в пребывающую еще в эмбриональном состоянии футурологию. Взять хотя бы старика Б.Н. Чичерина, откликнувшегося новым временам брошюрой «Россия накануне двадцатого столетия». На рубеже веков в России возникла своеобразная мода, стимулируемая успехами XIX в., на обобщение достижений уходящего столетия и уяснение тенденций последующего развития. Анализ подобного рода литературы мог бы послужить основой интереснейшего исследования. Но упоение бесконечным прогрессом и бессмертной культурой продолжалось не

долго. Новый век принес и новые настроения. Быстро наступило чувство пресыщения плодами культуры, и та «культурная цепь», о которой с таким восхищением писал Виноградов, очень скоро стала восприниматься в качестве стесняющих творчество оков. Когда же технические блага цивилизации под аккомпанемент гуманистических и либеральных идей переросли в мировую войну, и вовсе заговорили о конце культуры и кризисе современной цивилизации. Заговорили, в том числе, и слушатели и ученики Виноградова — Р.Ю. Виппер и М.О. Гершензон. В работах самого Виноградова второй половины 1910-х гг. заметна какая-то интеллектуальная оторопь, недоумение по поводу происходящих в России событий. Он пытается их объяснить, набрасывая социальную историю России в XIX столетии, выстраивающуюся по эволюционно-прогрессистскому сценарию. Виноградов так и не смог выйти за пределы начертанной им в лекциях «О прогрессе» схемы, объединяющей всемирно-историческую и эволюционную точки зрения. Подразумевая единство социальной эволюции и исторического развития, он писал: «В этом направлении работают два могущественных условия — преемственность духовной жизни между различными общественными союзами и постоянное взаимодействие между развитием социальным и личным, взаимодействие идейного и нравственного свойства» (Виноградов 1898: 308). Объединяет их общая прогрессивная тенденция, истолковываемая Виноградовым в смысле кумулятивного накопления достижений в науке и образовании, прикладных знаниях и технике, в социальных отношениях. Частным проявлением такого прогресса служит более гуманное и справедливое отношение к побежденным и рабочему классу.

Однако не следует понимать прогрессивное развитие как неотвратимый процесс. Прогресс — одна из возможных конфигураций исторического процесса. «И приходится сказать, — признавался Виноградов, — что наличный исторический материал не оправдывает слишком всеобъемлющих, слишком самоуверенных указаний на ход исторического прогресса» (Виноградов 1898: 293). Поэтому, продолжал он, «метод исследования: необходимо сначала рассмотреть, в чем состоят сущность и особенности исторического процесса, а затем уже ставить вопрос, куда ведет этот процесс, насколько он обещает прогресс, круговорот или какую бы то ни было другую форму движения» (Виноградов 1898: 293).

Виноградовские рассуждения об историческом прогрессе, опирающиеся на эволюционную точку зрения и благожелательно встреченные слушателями, не были новостью в российской науке. Идею исторической эволюции сделал центральным моментом своей эклектической концепции Н.И. Кареев, уделив ей значительную часть своих двухтомных «Основных вопросов философии истории» (1883). Ученик Виноградова П.Н. Милюков в 1896 г. выпустил отдельным изданием первый том своих знаменитых «Очерков по истории русской культуры», где в теоретическом введении специально сосредоточился на проблеме социологической эволюции. Уже после виноградовских лекций, зимой 1898–1899 гг. в Москве к чтению публичных лекций об истории идеи прогресса приступил другой ученик Виноградова, а к тому времени уже и коллега по кафедре всеобщей истории Московского университета Р.Ю. Виппер. Лекции Р.Ю. Виппера составили книгу «Обществен-

ные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе», выпущенную в 1900 г., а затем несколько раз переиздававшуюся. Сам Виноградов помимо Г. Спенсера указывал на Т.Н. Грановского как на мыслителя, определившего его научный подход. «Идея прогресса, — сочувственно излагал он взгляды Т.Н. Грановского, — является первою основой исторического мирозерцания. Под ее влиянием история распадается на всемирную и на всеобщую. Всемирная обнимает все народы, захватывает весь этнографический материал. Всеобщая выделяет то, что вошло вкладом в человеческую культуру, описывает и объясняет прогрессивное движение человечества <...> Поступательное шествие обусловливается тем, что идет вперед не единый народ, а сменяющие друг друга путники» (Виноградов 1893: 56). Статья о Т.Н. Грановском была опубликована в «Русской мысли» в 1892 г., т. е. вскоре после работы о московском славянофильстве. Любопытно, что в статье о лидере западников, чьи публичные лекции 1843–1844 гг. стали одним из главных поводов к размежеванию двух партий, Виноградов излагает позицию Т.Н. Грановского в терминах славянофильской концепции. В интерпретации Виноградова заметна явная, в том числе и терминологическая, перекличка с теорией Н.Я. Данилевского.

Впрочем, Виноградов не развивает идею многонаправленности исторического процесса и, приступая к лекциям о прогрессе, уже всецело подчиняет свою мысль представлению о единственности социально-исторического развития. Ход его рассуждений инициируется следующим образом: «Для образованных людей обязательно так или иначе выяснить свое положение относительно этого капитального вопроса: идет ли человечество вперед, и что значит для него идти вперед? Если оно идет вперед, то каким путем и под влиянием каких сил» (Виноградов 1898: 255). В брошюре «Накануне нового столетия» он развивает свой взгляд на прогресс на основе конкретного исторического материала XIX в. Здесь особенно отчетливо проявляется европоцентризм подхода Виноградова, сочетающий просветительский оптимизм, во многом еще питающийся естественно-правовым схематизмом, с представлением об исторических и неисторических народах. Прогресс видится ему как непрерывный процесс совершенствования человечества и улучшения жизни. «Мы справляемся с теперешними задачами, потому что во многих отношениях стали сильнее наших предков. Общество наше лучше общества XVIII века», — уверенно констатирует Виноградов (Виноградов 1902: 27). Прогресс затрагивает не только материальную, но и нравственно-интеллектуальную сторону человеческой жизни. И здесь Виноградов видит кумулятивное наращение знаний, сознания и совести. «Выросло наше *знание*, — поясняет он, — и мы стараемся широко распространить и применить его <...> Выросло *сознание*: мы яснее видим, где стоим, что нам нужно и что вредно, к чему надо стремиться и чего избегать. Возросла и *совесть*: мы замечаем и осуждаем многое, на что наши предки глядели притупившимся взором» (Виноградов 1902: 27). Указывает историк и на два главных пути социального прогресса: «коллективное сознание нужд и коллективное сознание права» (Виноградов 1898: 312). «Дорога к всемирно-историческому призванию остается по прежнему одна — от мрака

к свету!» — патетически завершал свою лекцию о московском славянофильстве Виноградов (Виноградов 1892: 126).

Многогранность прогресса требует и синтетического подхода. Только обозревая исторический процесс с различных сторон, можно уяснить направленность прогресса. Однако смысл прогресса, если допустить такое выражение, не ограничивается обзором прошлых судеб человечества. Прогресс, черпая материал из прошлого и как бы метаисторическим способом выстраивая его в объясняющую последовательность, обращен в будущее. Внося логичность в историю, прогресс, тем не менее, говорит не о прошлом, а о будущем. Для историка идея прогресса важна тем, что вносит смысл в исследуемые им факты. Собственно говоря, для той философской традиции, к которой в целом принадлежал Виноградов, т. е. позитивизма, идея прогресса и составляет смысл истории. Более того, идея прогресса непосредственно перекликается с концепцией многофакторности исторического развития. Идея многофакторности, оппонируя монистическому взгляду на историю, объясняет социально-исторический процесс исходя не из однолинейной причинно-следственной цепи, а из представления о закономерности как пучке необходимых зависимостей географического или природно-климатического, расово-антропологического, индивидуально-субъективного и ситуативно-исторического планов. Вторя идее многофакторности и как бы продолжая ее логику, прогресс и тенденции исторического движения рассматривает как развитие в одном направлении нескольких базовых социально-исторических характеристик. К таковым относятся прежде всего познание, сферы политики и морали. Общий прогресс можно таким образом понимать как прогресс в области знания, политики и моральных отношений. Различные мыслители делали акцент на какой-то одной из этих характеристик. Интегрирующая позитивистская установка предлагает их рассматривать в совокупности. Сумма достижений в морали, политике и науке дает общее представление о прогрессе и еще раз подчеркивает его интеллектуальный, по преимуществу, характер. Историография идеи прогресса наглядно демонстрирует, как постепенно складывалось синтетическое видение прогресса. Идея прогресса зародилась в XVIII в. Виноградов рассматривает четырех мыслителей просветительской эпохи: Кондорсе, Руссо, Гердера и Канта. Каждый из них ограничивает прогресс лишь одной сферой деятельности и на ней сосредоточивает свои рассуждения. Не повторяя подробно ход мысли Виноградова, приведу лишь его обстоятельный итог: «Обозревая в общем работу главных трех течений мысли XVIII в., просветительного, чувствительного и критического, по вопросу об историческом прогрессе, мы приходим к заключению, что при резком противоречии друг с другом они дополняют друг друга в том отношении, что каждое избрало для своих наблюдений и выводов лишь одну сторону дела и провело эти наблюдения с резкой односторонностью, так что тот, кто следит за их политикой, как бы обходит предмет кругом, осматривая то одну, то другую сторону его. Ради ясности схемы можно было бы, пожалуй, сказать, что Кондорсе, Гердер и Кант рассматривают исторический процесс с точки зрения ума, сердца и воли, выдвигая и выбирая наиболее подходящие, разрубая

и игнорируя факты, мало удобные и посторонние их основным идеям. Еще точнее будет сказать, что один сосредоточил свое внимание на роли познавательной способности людей, другой — на значении нравственного начала человечности в отношениях между людьми, третий — на вероятном ходе политического совершенствования. Но затем все трое стоят на почве XVIII в., все трое чувствуют необходимость растолковать историю, еще не зная ее, все трое смотрят в будущее, даже когда утверждают, что наблюдают прошедшее, все трое чувствуют приближение великого переворота и веруют в его благодатное влияние» (Виноградов 1898: 272–273).

Историографические перипетии идеи прогресса в XIX в. не столь разнообразны. Виноградов видит здесь два варианта, два истолкования прогресса: идеалистический и положительный. Наиболее яркие представители этих двух подходов — Гегель и Спенсер. Учение Гегеля, на котором сказалось противоречие между философией и исторической жизнью, Виноградов определяет как идеалистическое, синтетическое и диалектическое. Излагая гегелевский подход, исследователь дает и его критику. Главное возражение Виноградова сводится к следующему: «Он (Гегель. — А.М.) принял свое положение, положение своего времени и народа за высшее и окончательное определение, тогда как по его же толкованию оно должно было быть только скоропреходящим моментом развития; не трудно раскрыть софистику, которая заключается в игре словами: свобода, необходимость, дух, материя, в применении таких общих категорий к весьма мелким явлениям исторической жизни» (Виноградов 1898: 279). Ко второму подходу — спенсеровскому — Виноградов относится менее критично. Напротив, он присоединяется к основным его положениям, рассматривая исторический процесс с органической точки зрения.

Гегель и Спенсер с разных сторон освещают две господствующие научные идеи XIX в. — закономерности и развития, — распространение которых сопровождало победное шествие прогресса. Для обозрения плодов прогресса Виноградов находит подходящий повод — наступление нового века и, соответственно, подведение итогов века XIX. «Попробуем же собрать несколько впечатлений от работы уходящего века», — так формулирует он свою задачу в докладе «Накануне нового столетия» (Виноградов 1902: 5). Сравнивая мир в 1800 и 1900 г., ученый видит прежде всего «глубокие перемены в распространении культуры» (Виноградов 1902: 6). Правда, нарастание культуры рисует Виноградову в несколько пренебрежительных и по-европейски снобистских тонах. «...не отмечено, — констатирует он, — пылкого движения образованности перед варварством»; он фиксирует «приобретения и рост образованных народов на счет диких, менее образованных» (Виноградов 1902: 6). Просветительский универсализм, воспроизводящий нехитрую схематику естественного права, сочетается у Виноградова с допросветительским делением народов на исторические и неисторические. Варварские племена стоят вне истории; европейцы же, исполняя свою прогрессивную миссию, облагодетельствуют их путем ассимиляции или истребления. На землях, пишет Виноградов о территории Австралии и Новой Зеландии, населенных ранее дикими народами, появились «могущественные

отпрыски европейской культуры» (Виноградов 1902: 6). Еще большее восхищение вызывают у него цивилизационные успехи США: «...вся же середина и запад теперешнего Союза, области, в которых теперь кишит жизнь, в которых действуют такие города, как Чикаго, представляли пустыни, по которым бродили, охотясь за зверями и ловя рыбу, различные сиуксы, апачи, алгайонквини» (Виноградов 1902: 7). «Таким образом, во всех частях света, — подводит Виноградов предварительный итог, — XIX в. свидетельствует о распространении европейского влияния и европейской культуры» (Виноградов 1902: 8).

Кумулятивное нарастание культурно-просветительской цивилизационно-технической мускулатуры — не единственный итог XIX столетия. Развитие средств сообщения и обмена, интенсификация культурных взаимодействий позволяют говорить о глобализации процессов. «Необычайно возрос не только обмен товаров, но и *обмен мыслей*», — замечает Виноградов (Виноградов 1902: 11). Начало XIX в. ему рисуется как «захолустный склад жизни в самых важных центрах, полное невежество относительно всего окружающего, бедность и однообразие мыслей, предубеждение против всего чужого» (Виноградов 1902: 10). Успехи прогресса Виноградов в основном прослеживает на примере самой «передовой страны» — Англии. Происходящие изменения вовлекают в цивилизационный процесс все новые и новые народы и сферы жизни. «В наше время, — задает Виноградов масштаб прогрессивных изменений, — дела и люди все более и более выходят из узкой обстановки различных закоулков, приходится считаться с мировыми рынками, присматриваться к условиям отдаленных стран, учиться понимать людей чужих государств и народов: сцена раздвинулась, запас идей возрос, а главное — возросла быстрота их обращения между людьми. В этом смысле можно сравнить роль открытий XIX в. разве только с изобретением книгопечатания» (Виноградов 1902: 11–12).

Прогресс затрагивает все сферы человеческой жизни и деятельности, но прежде всего сказывается в сфере экономики и «сознательности». Виноградов описательно подходит к решению своей задачи: показать прогрессивные изменения. Он указывает те тенденции, которые, на его взгляд, могут иметь продолжение в XX в. В экономике это рост промышленности на основе машинного производства и расширение кредитной системы. В политической области наблюдается укрепление гражданского общества, или, по его словам, «самодеятельности общества», «общественного самоуправления» (Виноградов 1902: 18). Получило продолжение государственное регулирование отношений в производстве, «вмешательство государства во имя нравственного начала», — как обозначает его Виноградов (Виноградов 1902: 19). Появилось социальное страхование и пенсионная система. В сфере просвещения продолжается развитие начального, женского и университетского образования. Прогрессивные настроения проникли и в неподатливую область международных отношений: гуманистические ценности стали обязательным компонентом дипломатической риторики. «И важно не только то, что уже осуществилось или осуществится: драгоценно зарождение в жестокой борьбе политических интересов и на пустынной почве дипломатических канцелярий идей широкой

гуманности, “утопий” — как говорят приверженцы грубой действительности — например, идей ограничения вооружений, постоянного международного посредничества во избежание войны» (Виноградов 1902: 20–21).

Еще одна примечательная тенденция, обозначенная Виноградовым — возможное возрастание роли азиатских народов. Историк отмечает «факт мировой важности — быстрые шаги европейского влияния и европейской культуры среди колоссальных масс монгольских государств Азии, которые так долго и так упорно отгораживались от всего чужого» (Виноградов 1902: 8). Впрочем, Виноградов достаточно скептически смотрит на будущее азиатских народов; не они являются носителями прогресса, не им отведены главные роли на исторической сцене. В этой связи недооценивает он и «желтую» фобию В.С. Соловьева. Как пишет Виноградов, «является страх перед “Желтой Грозой”, — страх, при зрелом обсуждении, едва ли основательный, случится, надо думать, одно из двух: или желтые действительно воспримут европейскую культуру, и в таком случае можно будет примириться с некоторыми неизбежными уступками этим новым членам семьи цивилизованных народов, или, — что гораздо более вероятно, — они не совладают в большей своей части с наплывом новых идей и порядков, и в таком случае никакие частные заимствования не дадут им перевеса над европейцами» (Виноградов 1902: 8). Судить о справедливости предположений Виноградова даже спустя столетие сложно. Синтез азиатских культурных традиций с европейскими в полной мере еще не завершен.

Литература

Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Часть первая. Л., 1929.

Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). Т. VI. СПб., 1897–1904.

Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Август. Ч. ССXXXVIII.

Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.

Виноградов П.Г. Ранке и его школа // Русская мысль. 1888. Кн. IV.

Виноградов П.Г. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11.

Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский // Русская мысль. 1893. Кн. IV.

Виноградов П.Г. О прогрессе // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. II (42).

Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1898–1899 ак. г. (литография).

Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // Русская мысль. 1890. Кн. I.

Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. М., 1901 (литография).

Виноградов П.Г. Накануне нового столетия. М., 1902.

Виноградов П.Г. Учение сэра Генри Мэна // Научное слово. 1904. Кн. VIII.

Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М., 1915.

Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.

Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1990. Т. IX.

Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. III. Ч. 2. М-Я. Пг., 1917.

- Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). В 2 т. М., 1990. Т. 1.
Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк. Л., 1930.
Приложение к протоколу заседания Историко-филологического отделения Императорской академии наук 23 октября 1913 г. (к § 433).
Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.
Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. СПб., 1993.
- Vinogradoff P. Villainage in England. Essays in English Mediaeval History. Oxford, 1892.
Vinogradoff P. The Russian Problem. London, 1915.